

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XVIII

ГЕОГРАФИЯ. ЭТНОГРАФИЯ. ИСТОРИЯ
ПАМЯТИ А. В. КОРОЛЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы:
Москва 1976

Н. А. Кисляков

О СУЩНОСТИ ПОНЯТИЯ «ПАТРОНИМИЯ»

Термин «патронимия» за последние два десятилетия широко вошел в научный обиход советских этнографов. Его можно встретить во многих работах, посвященных социальным отношениям и пережиткам родового строя различных народов.

Термин этот в советской этнографии введен М. О. Косвенем, посвятившим вопросу о патронимии ряд своих исследований, начиная с его ранних трудов 30-х годов и кончая специальной книгой «Семейная община и патронимия», одной из последних публикаций этого видного исследователя [15, 93]. Поскольку эта монография является как бы итоговой работой М. О. Косвена по патронимии, мы в данной статье будем обращаться непосредственно к ней.

М. О. Косвен на стр. 94—96 своей книги приводит солидный список советских авторов, которые выявили и частично исследовали патронимию у различных народов Советского Союза и других стран. Это обстоятельство свидетельствует о том, что термин «патронимия» оказался очень популярным и получил признание многих исследователей.

Мы позволим себе здесь привести дословно общее определение патронимии, данное М. О. Косвенем: «Патронимия — историческая общественная форма, свойственная патриархально-родовому строю. Она представляет собой группу семей, больших или малых, образовавшихся в результате разрастания и сегментации одной патриархальной семейной общины, сохраняющих в той или иной мере и форме хозяйственное, общественное и идеологическое единство и носящих общее патронимическое, т. е. образованное от собственного имени главы разделившейся семьи, наименование» [там же, 97]. В данном определении под патриархально-родовым строем следует, видимо, понимать последний этап первобытнообщинного строя или первобытнообщинной социально-экономической формации, другими словами, эпоху упадка, распада этой формации, смены ее классовыми отношениями. Об этом М. О. Косвен недвусмысленно говорит тут же, вслед за приведенной цитатой: «патронимия возникла и складывается в условиях патриархально-родовых отношений и сохраняется в последующих (классовых.— Н. К.) формациях».

Но приведенное определение оставляет неясным следующее обстоятельство. Если патронимия образуется в результате разрастания и сегментации патриархальной семейной общины, то могут ли возникающие семьи вновь превращаться и превращаются ли в патриархальные семейные общины или же нет? Судя по тому, что в приведенном определении говорится «о больших или малых семьях», входящих в патронимию, а также исходя из дальнейших высказываний автора [там же,

118] видно, однако, что на каком-то определенном этапе (по выражению автора, «архаические») патронимии снова приводят к образованию больших семей, и только позднее, на следующем этапе, они состоят уже исключительно из малых семей. Правда, автор, говоря о больших семьях, умалчивает о том, были ли это большие семьи просто по численности или патриархальные семейные общины.

В данной статье мы будем пользоваться в основном работами тех авторов, на которых ссылается в своей книге М. О. Косвен.

Бросается в глаза, что не все авторы считают, по-видимому, возможным отчетливо говорить об образовании «патронимических» групп как о результате сегментации больших патриархальных семей. Особенно хорошо это видно на материале кавказских народов. Чтобы не быть голословным, остановимся здесь на некоторых примерах.

Так, Ш. Инал-Ипа пишет, что у абхазов в результате естественного разложения или путем сегментации нередко из рода выделяется часть его и она становится самостоятельной родственной группой в экономическом, общественном и идеологическом отношениях; это роды вторичного происхождения, или «фамилии». Каждая более или менее многочисленная фамилия «аешъара» подразделялась на отрасли, или колена; такие отрасли или колена — совокупность ближайших родственных семей — образуют «патронимии», называвшиеся «абипара». То, что фамилии не являлись большесемейными общинами, а именно частями рода, видно из того, что фамилии существовали синхронно с абипара: каждое семейство, по словам автора, независимо от того, к какой бы патронимии оно ни принадлежало, несло определенные обязанности по отношению к целой фамилии. Далее автор пишет, что в XIX в. общественный организм в Абхазии составляли малая и большая семьи (атааца — наименьший родственный коллектив, элементарная клеточка общества; патронимия же — это более широкая группа, состоящая из нескольких ближайших родственных семей [11, 266—267]). О собственно больших семьях (по-видимому, патриархальных общинах) автор говорит совсем в другом месте [11, 325—326], совершенно не упоминая о связи их с патронимией; большие семьи носили название «атдзы» и сохранялись лишь пережиточно в виде совместного проживания 3—4 родственных поколений.

О существовании патронимии, именованной «лъэпкъ», у кабардинцев сообщает А. И. Першиц. Она, по его словам, в XIX в. являлась наиболее широкой структурной ячейкой распавшегося кабардинского рода, пережиточной формой патриархально-родовой организации, воплощавшей реликтовое единство некогда существовавшего отцовского рода. О соотношении патронимии с семейной патриархальной общиной ничего не говорится [18, 177—180].

Лакцы, по словам Л. И. Лаврова, сохраняют пережитки родового деления, которое сейчас не играет сколько-нибудь заметной роли в общественной жизни. Патронимия обозначалась у лакцев термином «усурсу», что значит «брат и сестра». Усурсу — это группа малых семей, близкородственных и имеющих тесное общение друг с другом; родственники, не имеющие такого общения, несмотря на близость существующего между ними родства, не входят в одно усурсу. Следов большой семьи, говорит автор, уже не сохранилось, но в народе помнят об одной большой семье, насчитывавшей до 150 человек. Усурсу объединяются в «фамилии», а фамилии в роды, о чем речь еще будет ниже [16, 172—173].

У курдов Армении XIX в., согласно А. Авдалу, патронимией являлась социальная группа, известная под названием «бар». Говоря о пережитках родового строя, автор сообщает, что наиболее крупной:

родственной группой был габил — род, который делился на бары, а последние состояли из семей. Бар был довольно многочисленной, крупной единицей, в него входило до 60 больших и малых семей, габил же состоял из 5—10 баров. Из описания видно, что нередко по значению и по своим функциям бар стоял почти что наряду с габил; в частности, перечисляя существовавшие в Армении и Закавказье габилы и бары, он дает их попеременно, что, с одной стороны, по-видимому, показывает отсутствие четкого деления между ними, а с другой — значимость самих баров. О больших семьях автор ничего не сообщает, упоминая их как входящие наряду с малыми семьями в бар [2, 150—152].

Как видно из сказанного, у некоторых народов, перечисленных М. О. Косвенном, как носители патронимии, последняя не связывается с патриархальной семейной общиной, а входит в систему других пережиточных «родо-племенных» объединений. Мы сейчас не ставим перед собой задачу характеризовать ту родо-племенную организацию, которая сохранилась, в частности, среди народов России вплоть до Октябрьской революции. Советские этнографы давно пришли к выводу, что эта родо-племенная организация имеет мало общего с классическим первобытнообщинным архаическим родом, что она отражает интересы классового общества, подчинена им и в значительной степени основана на легендарной генеалогии.

Чтобы быть кратким, позволю себе ограничиться той характеристикой, которая дана для кочевников Средней Азии, но может быть отнесена и к народам оседлым и полuosедлым. «Родо-племенная организация у кочевников Средней Азии не выступала перед нами во всех случаях в качестве реальной общественной структуры; чаще всего она представляла собой идеальную схему. Это не исключало сохранения определенного значения родственных связей, а также и некоторых сторон общности экономической жизни более крупных коллективов, которые, однако, никак нельзя было уподоблять родам. Решающее значение во всех этих объединениях кочевников, начиная с более крупных, типа племени, и кончая так называемыми „родами“, включавшими в себя во многих случаях тысячи людей (а иногда и семей), играл классово-политический элемент» [1, 155].

Слов нет, что в этом отношении нельзя все народы, сохранявшие такую организацию, ставить на одну доску: у одного народа она сохранялась более стойко, роды и племена были более четко выражены, у другого — слабее, наконец, у третьего вообще сохранились лишь отдельные пережиточные элементы, лишь отдаленно напоминающие о былом родо-племенном делении. Однако весьма характерной для всех подобного рода объединений и организаций является таксономическая нечеткость, крайне запутанная классификация отдельных звеньев всей системы (племя, отделение, род, подрод, колено и т. п.); нередко и сами представители того или другого народа для одного подразделения или группы употребляют несколько терминов, не говоря уже об исследователях, оперирующих этими терминами.

Естественно, что у авторов, изучающих патронимию, как мы это отчасти видели на приведенных выше примерах, она попадает в какое-либо из звеньев этой цепочки родо-племенной организации.

Уже говорилось о соподчинении у курдов Армении рода — габил и патронимии — бар и известной нечеткости деления между ними. Ко всему этому автор прибавляет, что в курдском языке сохранились и другие термины, отражающие кровнородственные отношения и группировки, а именно тохум (семья, поколение, происходящее от одного предка), дж'нс (род, поколение), тайфа (родственная группа), аширати (племя, большая группа родичей) и т. п. Таким образом, возможно,

что под патронимию скорее подходила бы какая-либо иная группа, менее значительная, чем бар [2, 152]. Точно так же из приведенного выше материала видно, что абхазские патронимии (абипара) по существу очень близки к роду «вторичного происхождения», как его называет Ш. Инал-Ипа, т. е. к «фамилии» (аешъара). Он говорит, что нередко в «фамилию» входило всего лишь две патронимии; о близости этих двух объединений свидетельствуют слова автора о том, что абипара «отвечала общей ответственностью перед другими частями фамилии за поведение каждого родича с теми же обязанностями взаимной защиты, мести и т. п. Иными словами, каждое семейство, к какой бы патронимии оно ни принадлежало, несло определенные обязанности по отношению к целой фамилии» [11, 266—267].

Об известной близости патронимии и рода у адыгов говорится следующее: адыги селились компактно — родовыми кварталами или ущельями, каждый квартал или каждое ущелье населял особый род, состоявший из нескольких патронимий; патронимии устраивали сходы для решения различных вопросов, но наиболее важные вопросы выносились на усмотрение рода [14, 115—119]. А. И. Першиц сообщает, что у кабардинцев кроме патронимии иногда удавалось установить более широкую группу родственников, «которую мы вслед за М. О. Косвенном можем назвать фамилией второго порядка, для нее характерно отсутствие материальной взаимопомощи, но сохранение строгой экзогамии и обязанности кровомщения» [18, 179]. У дагестанских лакцев существовали следующие подразделения: тохум (род), кк'ул (фамилия) и усурсу (патронимия). Тохум приходит на помощь своим членам только в важных случаях, обычно же этим занимается усурсу [16, 172; 15, 189—190]. Какова роль фамилии, по-видимому все же ближе стоявшей к усурсу, чем род, не говорится; может быть, ее также надо рассматривать как патронимию второго порядка.

Примерно так же обстояло дело и в Средней Азии, в частности у туркмен. В отношении туркмен-мурчали Д. М. Фезов пишет, что их насчитывалось десять родов — «тире»; каждый род, в свою очередь, делился на разделы. Родовые ячейки состояли из всех близких родственников по отцовской линии с дальнейшими мелкими подразделениями: якын гарындаш — близкий, кровный родственник и баш гарындаш — далекий кровный родственник, ведущий свое происхождение от общего памятного предка. Все происходившие от такого предка помнили свое происхождение, совместно решали вопросы о выборе девушек для замужества и о выплате калыма, обсуждали вопросы кровной мести. Все мелкие подразделения родов, по словам автора, являлись патронимиями. Однако родственная группа у мурчали — понятие не точно очерченное. Так, на кладбищах мурчали «соблюдалось правило — хоронить по родственным группам, т. е. на кладбище каждая патронимия имела свой участок: например, в с. Мурчи южная часть принадлежит роду юзбаши и добаша, северная — авшарцам и др., вновь умерших, принадлежащих к той или другой патронимии, клали возле них» [17, 246—247]. Из этого описания трудно заключить, хоронили ли по патронимическому или по родовому признаку, а из всего сказанного выше остается неясным, где все же были пределы патронимии, в частности, к какому подразделению рода (якын гарындаш или баш гарындаш) следует применять этот термин. Поскольку роды у мурчали были очень невелики по числу их членов, то возникает мысль, нельзя ли считать и самый род (может быть, в несколько более отдаленном прошлом) также патронимией.

Примерно аналогичная картина вырисовывается и в отношении соседнего с мурчинцами племени нохурли. Нохурли делились на 22 рода,

при этом указывается, что «термины, относящиеся к родо-племенной организации туркмен, до сих пор не имеют единообразного толкования». У нохурли понятие «род» обозначалось термином «тире», а подразделения рода — «гарындаш», включавшие всех близких родственников по отцовской линии. Роды нохурли были невелики по своей численности, но в то же время являлись более реальным и определенным подразделением, чем, например, у текинцев; члены каждого нохурского рода объединялись общностью происхождения: в недалеком прошлом они имели и общую родовую земельную собственность, общие пастбища. «Род, объединявший родственников по мужской линии, включал в свой состав более мелкие подразделения (гарындаш), связанные единством происхождения от общего реального предка» [4, 178]. Г. П. Васильева, называя гарындаш патронимией, указывает, что каждый гарындаш объединен рядом признаков (на летовке ставили юрты рядом, совещались в случае женитьбы, выдачи замуж девушек, помогали друг другу в уплате калыма). Однако и родовое объединение, как мы видели, было в недалеком прошлом не менее тесным, а поэтому, если уже пользоваться термином «патронимия», то, по-видимому, в данном случае он может быть применен и к роду — тире (во всяком случае, в недалеком прошлом).

Из среднеазиатских народов остановимся еще на вопросе таксономии у каракалпаков, среди которых глубокое и скрупулезное исследование родо-племенных отношений было проведено Т. А. Жданко. Родо-племенная структура каракалпаков делилась на два крупных подразделения (арыс): арыс он-торт-уру и арыс конград. Внутри первого из них существовала следующая таксономическая структура: арыс, племя (местного названия не дано), род (уру), крупное родовое подразделение (тире), мелкое родовое подразделение (коше). Последнее звено, коше, видимо, подходит под определение патронимии по терминологии М. О. Косвена. Вместе с тем отмечается, что у каракалпаков подразделения конград родо-племенная структура несколько более сложная: здесь мы находим не пять звеньев, как у он-торт-уру, а нередко шесть или, напротив, четыре; так, например, структура каракалпакского «жаунгыр» состоит из четырех звеньев: арыс, отделение арыса, род и родовое подразделение — тире или коше [8, 77—78, 81—82; 9, 192—196]. Таким образом, и здесь термин «патронимия» может быть отнесен в ряде случаев к более высокой таксономической единице, что не дает возможности его точной локализации в цепи звеньев родо-племенной структуры.

Позволим себе остановиться еще на одном примере — арабах Северной Аравии. А. И. Першиц пишет, что в ряде случаев патронимия явственно существует наряду с родом и даже иногда ему противопоставляется. Система племени шаммар в Неджде состоит из следующей таксономической цепочки: племя, подплемя, род, фракция, подфракция, семья. Фракция, носящая название «хамула», по словам автора, является патронимией. Она хранит воспоминание об общем родоначальнике, ее единство выступает в порядке кочевания и лагерного расположения, хотя иногда кочуют родами и родами же останавливаются у колодцев. Во главе хамула стоит шейх, иногда в хамула наблюдаются переделы земли, но землю получают от стоящего выше звена; кроме того, члены хамула объединены обычаями взаимопомощи и кровомщения. Однако эти связи все больше ослабевают, в частности в области взаимопомощи и кровомщения: члены хамула очень неохотно помогают в сборе выкупа для своего сородича, так же неохотно помогают ему, если он потерпел какой-либо материальный ущерб (например, если у него угнали скот и т. п.). В то же время отмечается, что более вы-

сское звено — род владел некоторыми видами коллективной собственности, члены его, хотя и в меньшей степени, чем члены фракции, также были объединены традициями взаимопомощи и взаимответственности; каждый род имел свою тамгу, военный клич, а часто и единое, расположенное в районе летовки родовое кладбище [19, 70—71, 83—87].

При просмотре изложенного материала невольно создается впечатление о некоей как бы «скользящей» форме патронимии. Естественно, что по мере увеличения численности населения в обществе, где сохраняются пережитки родо-племенной организации, отпочковываются все новые и новые группы кровных родственников, в которых хозяйственное и идеологическое единство выражено ярче, чем в более обширных звеньях, стоящих как бы над этими более мелкими группами; но совершенно четко прослеживается, что эти, назовем их «более старшие», группы постепенно теряют единство, касается ли это взаимопомощи в хозяйственных делах, или вопросов композиции по линии кровной мести или же совместного проведения праздников и т. п. Но ясно также, что когда-то, может быть совсем не так давно, эта старшая группа была наделена теми же патронимическими функциями, которые в настоящее время свойственны младшей группе.

Получается что-то вроде перманентной патронимии. Уже выше, при рассмотрении патронимии у кабардинцев, мы видели, что А. И. Першиц говорит вслед за М. О. Косвенom о патронимиях «второго порядка». Действительно, мы находим у М. О. Косвена следующее высказывание: «Сложная патронимическая структура, примеры которой мы привели, остается все же по существу неисследованной. Мы лишь условно предлагаем обозначить меньшие и большие сложные патронимии, как патронимии первого и второго порядка» [15, 104]. Иногда автор говорит и о «большой патронимии» [там же, 105]. Как далеко могут завести исследователя эти патронимии первого, второго и прочих порядков, мы еще будем говорить ниже.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что из ряда приведенных выше примеров как будто вытекает, что образование патронимий не имеет сколько-нибудь заметной связи с патриархальной семейной общиной, с ее распадом, с ее сегментацией. Во многих приведенных нами примерах патронимия скорее противопоставляется роду, родовому подразделению, но никак не патриархальной семейной общине. Например, при характеристике отдельных звеньев родо-племенной цепочки у арабов-кочевников Северной Аравии (см. выше) прямо отмечается, что «в целом для кочевников большая семья была нетипична» [19, 69; 22, 59—65].

А между тем «разрастание и сегментация патриархальной семейной общины», как видно из определения патронимии М. О. Косвенom, является одним из ее существенных и неотделимых признаков.

Теряя связь с большой патриархальной общиной, патронимия становится довольно неопределенным социальным институтом. Нами не случайно в начале статьи был поставлен вопрос о том, должно ли рассматриваться становление патронимии как окончательное **распадение** больших патриархальных общин, или же она еще в силу социально-экономических условий может вновь воссоздавать патриархальные семейные общины, другими словами, происходит ли возникновение патронимии на той стадии (более поздней), когда патриархальная семейная община уже изжила себя (т. е. когда совершился переход от семейно-родовой к частной или личной собственности), или же на той стадии (более ранней), когда еще имеются все условия для нового возникновения патриархальных семейных общин. Иначе говоря, имеем ли мы дело с распадением семейной общины только лишь в результате того,

что она непомерно разрослась и совместное проживание очень большого числа ее членов, скажем так, просто практически невозможно, или же в результате того, что социально-экономические условия, условия становления и утверждения личной собственности органически делают распад патриархальной общины неизбежным. А ведь это в какой-то мере определяет место патронимии в общем процессе распада первобытно-общинных отношений.

Но это было бы еще полбеды. Судя по материалам, приводимым как М. О. Косвеню, так и его последователями в области теории патронимии, последняя вообще имеет огромный стадийный «размах». Что же касается конечной стадии ее существования, то она доживает до того периода, когда у того или другого народа уже не сохранилось буквально ничего от патриархально-родового строя. В частности, мы находим ее у русских поселенцев Севера в виде так называемого «печища», у украинцев — «сябры», у белорусов — «дворища», где, как нам представляется, речь идет о выделении из семей женатых сыновей и создании все новых и новых ячеек, близко селящихся к своему основному жилищу и образующих (по М. В. Витову) на Севере «гнездовой» тип поселений [5, 27—40], а на Украине — «концы» большого села [21, 75—83]. Все это происходит, повторяем, в условиях, когда уже нет никаких следов патриархально-родового строя, да и существование больших патриархальных семей в значительной степени проблематично. В частности, М. В. Витов, интересовавшийся в основном типом поселений на Севере, отмечает, что процессы заселения и расселения не совпадают со взглядами на расселение патронимии М. О. Косвена, и, во всяком случае, если на русском Севере патронимия и имела место, то она распалась очень быстро [5, 37, 38]. У отдельных исследователей вызывает сомнение существование патронимии у древних славян, реконструируемой на основании такого источника, как «Русская правда». Ю. М. Рапов в своей большой статье, посвященной этому вопросу, говорит, что в период раннего средневековья на Руси существовала обособленная семья, а не патриархальные общины и не патронимии и что понятие «вервь» имеет совсем другое значение: [20, 106—117].

Однако отвлечемся на время от указанного стадийного «размаха» патронимии и будем условно считать, что речь идет о группе кровнородственных малых семей, образовавшихся в результате сегментации патриархальной семейной общины, т. е. фактически о последней ячейке распавшихся патриархально-родовых отношений. Все же, если говорить о патронимии, то это наиболее реальная, живая, осязаемая ее разновидность. О ней еще будет речь впереди, но сейчас нас интересует одна из ее особенностей, с нашей точки зрения весьма характерная — была ли она экзогамна или эндогамна.

М. О. Косвен следующим образом отвечает на этот вопрос: «Патронимия по общему правилу была экзогамной, т. е. брак между членами одной патронимии не допускался. У некоторых народов, например у арабов, у отдельных народов Дагестана, патронимия была, наоборот, эндогамной. Явление патронимической эндогамии еще не получило удовлетворительного объяснения» [15, 116].

Действительно, среди рассмотренных нами выше народов и групп народов мы видим, что на Кавказе адыго-черкесская группа в своих низших кровнородственных звеньях (равно как и более высших) сохраняла экзогамию, о чем говорят материалы по абхазам, адыгам, кабардинцам, равно как и материалы по горским евреям.

Но рассмотрение другой группы народов Кавказа говорит об обратном. Если обратиться к народам Дагестана (что, как мы видели, отметил и М. О. Косвен), то лакцы, например, «не чуждаясь экзогам-

ного брака, все же предпочитают эндогамию» [16, 171], у лезгин браки «в прежнее время заключались предпочтительно среди родственников» [16, 116]. Тохум у агулов «по общему правилу был эндогамен, брак вне тохума был очень редким явлением». Об агулах мы находим очень интересное замечание, а именно что при разделе семьи сестры, хотя бы давно вышедшие замуж, получали половину одной земельной доли и часть движимого имущества.

Относительно арабов мы встречаемся с весьма любопытным материалом, говорящим о предпочтительности и даже обязательности ортокузенного брака между детьми двух братьев, являющегося, конечно, явным нарушением патриархально-родовых традиций. «Специфическим, но весьма существенным видом патронимической взаимопомощи является у арабов ортокузенный брак, поныне широко распространенный во всех арабских странах и среди всех, исключая горожан, групп населения. Согласно этому порядку, обязательными супругами считаются у арабов ибн амм (сын дяди с отцовской стороны) и бинт амм (дочь дяди с отцовской стороны). Таким образом, девушка остается в пределах патронимии» [19, 35—36].

Обратимся к народам Средней Азии. Девушек у туркмен-ата берут непосредственно из своего мелкого кровнородственного подразделения — топар, чтобы не выносить имущества за его пределы. «Родовой экзогамии у ата уже не было, на смену ей пришла родовая эндогамия, связанная с необходимостью удержать имущество в своем роде» [3, 435]. У туркмен-нохурли вследствие их немногочисленности, с одной стороны, и далеко зашедшего классового расслоения — с другой, частыми были браки с двоюродными сестрами по отцу, т. е. между близкими родственниками. Таким образом, как и у других туркменских племен, у нохурцев не сохранилось экзогамии [4, 194]. Об эндогамных браках среди мелких подразделений, даже близких родственников, у других туркменских племен сообщают различные авторы, здесь также мы находим близкие кузенные браки. Относительно эндогамных браков в пределах даже самых мельчайших делений пишут и исследователи семейных отношений у узбеков, как оседлых, так и кочевых и полукочевых в прошлом [10, 399; 23, 141—143]. Аналогичную картину мы видим среди таджиков, в частности среди припамирских таджиков, здесь также весьма распространенными были как кросскузенные, так и ортокузенные браки в обоих их вариантах [12, 64 и сл.]. У белуджей СССР очень распространены были браки между сыновьями и дочерьми двух братьев [6, 157].

У трех других крупных, в прошлом кочевых и полукочевых народов, а именно каракалпаков, казахов и киргизов, еще сохранялась экзогамия как среди больших, так и среди мелких родовых подразделений. Однако и здесь уже быстрыми темпами шел процесс отпадения экзогамных норм и замены их эндогамными и близкими кровнородственными браками; наблюдалась весьма четко выраженная тенденция к непрерывному сокращению числа поколений, среди которых брак был запрещен. В качестве примера отмечается, что у киргизов, где действовал поколенный принцип брачных запретов, на Тянь-Шане совершались браки между потомками в шестом и даже пятом поколении, в Чуйской долине встречались браки уже в четвертом поколении, а в некоторых районах Южной Киргизии мы встречаемся уже с полной утратой существовавших ранее брачных запретов [1, 140—141].

Как уже говорилось выше, М. О. Косвен наделяет патронимию обоими признаками — и экзогамией, и эндогамией, при этом подчеркивает, что эндогамия не получила еще удовлетворительного объяснения. На наш взгляд, дело обстоит как раз наоборот. Ведь мелкие

кровнородственные группы (патронимии) порождены распадом родовых коллективов (в частности, распадом большой патриархальной семьи), что является следствием смены натуральных отношений товарно-денежными, общинно-родовой собственности — частной, сложившейся уже или складывающейся имущественной дифференциацией, становлением классовых отношений. Отсюда появление тенденции к удержанию имущества в своей семье, в своей кровнородственной группе, состоящей из сравнительно небольшого числа близких в родственном отношении семей. Поэтому-то внутригрупповая эндогамия, нередко проявляющаяся в браке детей двух братьев, становится правилом и должна рассматриваться как более характерная особенность для такой небольшой кровнородственной группы. Напротив, скорее следует рассматривать как исключение такие группы, где еще имеет место экзогамия и где, по-видимому, общая тенденция все же направлена к ее изживанию. Так, в частности, в отношении адыгов говорится, что даже при «родовой» экзогамии таковая все же в ряде случаев нарушалась, несмотря на общественное осуждение [14, 117].

Таким образом, если придерживаться определенной стадияльной локализации и считать, что группы кровнородственных семей (патронимий) являются результатом распада (сегментации) патриархальных семейных общин, то, на наш взгляд, характерной для них следует считать эндогамию, а отнюдь не экзогамию, которая не типична для таких образований.

Поэтому представляется, что критика Ю. И. Семеновым М. О. Косвена в отношении патронимии не имеет существенного значения. По словам Ю. И. Семенова, М. О. Косвен употребил термин «патронимия» в двух, тесно связанных, но тем не менее различных смыслах. Когда М. О. Косвен определяет патронимию как группу семей, то он имеет в виду патронимическую локальную хозяйственную группу; когда же М. О. Косвен говорит о «хранении всеми членами патронимии отчетливого сознания единства своего происхождения, следовательно, родства», то он имеет в виду патронимическую генеалогическую группу. Но если патронимия не экзогамна, а эндогамна, то тогда, естественно, указанные критические доводы должны отпасть [20а, 80—81].

Но один упрек Ю. И. Семенова М. О. Косвену все же остается. Это фраза о том, что точно так же он подходит к вопросу, «когда определяет род как совокупность родственных патронимий» [там же, 81]. И действительно, хотим мы этого или не хотим, мы должны растаться в целях внесения большей ясности в понятие «патронимия», с «отвлечением» от стадияльного «размаха» этого термина и вновь вернуться к нему, хотя бы потому, что теория М. О. Косвена о патронимии как широком стадияльном явлении нашла себе последователей, пошедших в этом отношении значительно дальше самого М. О. Косвена. Говоря о соотношении рода и патронимии, М. О. Косвен всячески оговаривается, что патриархальный род нечто совершенно отличное от классического материнского рода, в частности что в патриархальном роде распадаются основные начала рода — общественно-экономическое единство и коллективизм; что он не является единой общественной, а тем более хозяйственной группой, а представляет собой «скорее лишь выражение различных форм и отношений *родового строя*. Реконструируя структуру патриархального общества, мы, говоря скорее теоретически, считаем, что родственные между собой патронимии образуют в совокупности патриархальный род» [15, 119].

В 1969 г. вышла в свет книга А. Д. Давыдова «Афганская деревня» [7]. В ней дана очень глубокая и интересная характеристика общинных и феодальных отношений у ряда народов, населяющих Афга-

нистан,— таджиков, хазарейцев, чораймаков и афганцев. Автор продолжительное время работал в Афганистане и собрал большой и разнообразный материал по указанным вопросам. Книга, безусловно, заслуживает внимания исследователей, в ней подняты многие вопросы, связанные с патриархально-феодальными отношениями, которые иллюстрируются большим конкретным материалом. Однако в рамках данной статьи мы не будем на них останавливаться подробно.

Сейчас нас интересует то, что А. Д. Давыдов выступает в качестве первооткрывателя нового *патронимического строя*, пришедшего на смену первобытнородовому или первобытнообщинному. Его научное кредо изложено в предисловии к книге [там же, 8—11], а затем неоднократно повторено и в различных главах основного текста, особенно в главе, посвященной афганцам. В процессе изложения его теории мы постараемся не затруднять читателя цитатами, однако без некоторых из них нам не обойтись.

А. Д. Давыдов отмечает, что теория М. О. Косвена о патронимии и разработка ее советскими учеными внесла значительную ясность во многие трудные вопросы. «Становится вполне очевидным, что, во-первых, патронимия любого порядка отнюдь не является первобытным родом, а представляет собой третью стадию развития родственных институтов: от (1) рода через распадение его на (2) отдельные патриархальные семьи к разрастанию последних в (3) патронимии. Во-вторых,— говорит автор,— становление патронимии совпадает со становлением классового общества, и, в-третьих, патронимии возникали и возникают у многих народов вплоть до сегодняшнего дня» [там же, 8].

Однако автор, следуя в значительной мере за М. О. Косвенем, далее говорит, что на примере народов Афганистана было установлено, что «по мере разрастания патронимий отдельные составляющие их семьи могут давать начало новым патронимиям, от последних, в свою очередь, могут отпочковываться еще патронимии и т. п. При определенных исторических условиях патронимии первого, второго, третьего и т. п. порядка, объединяясь, образовывали более крупные этнические общности, которые обычно именуется племенами» [там же, 6].

«Качественное отличие первобытного рода,— говорит далее автор,— состояло в том, что он был самостоятельной хозяйственной единицей, объединенной коллективным трудом его членов и коллективным присвоением ими продуктов труда. При *патронимическом строе* (курсив наш.— Н. К.) мельчайшей самостоятельной хозяйственной ячейкой одинаково для всех патронимий является отдельная семья, обладающая частной собственностью на все или некоторые орудия и средства производства. Благодаря этому отдельная семья, входя в состав родственного коллектива — патронимию, одновременно является членом другого, в своей основе неродственного, а территориального объединения — сельской соседской общины» [там же, 10].

То, что отдельные кровнородственные группы семей у многих народов Средней Азии, Кавказа, Ближнего и Среднего Востока входят в «неродственные» объединения — сельскую общину, давно известно и может быть подтверждено огромным числом фактов. Таким именно путем и образуется соседская сельская община, в которой кровнородственные связи постепенно теряют свое значение и заменяются соседскими, причем немалую роль в этом процессе играет миграция населения — поселение на территории данной общины новых пришельцев, уход или обезлюдение отдельных семей и т. п. Однако по этому же образцу А. Д. Давыдов стремится создавать не только соседские общины, а новые патронимические большие объединения, вплоть до племен и союза племен. Правда, он оговаривается, что в этих патроними-

ческих объединениях, в отличие от первобытнообщинных родов и племен, роль основной ячейки играет семья, а сами эти образования представляют собой сельские общины.

Каким же путем идет процесс сложения патронимических племен (отметим, кстати, что, по А. Д. Давыдову, все патронимические объединения — от мелких ячеек до племен — эндогамны), например, у афганцев? А. Д. Давыдов на это отвечает, что если квартальная патронимия — хель второго или третьего порядка образуется внутри деревни, где она представляет собой совокупность младших патронимий, то, чтобы возникла патронимия более высокого порядка, необходим фактор переселений, которые могут происходить в силу тех или других причин. Скажем, если несколько семей данной патронимии выселились из родной деревни в другую, а еще одна группа в третью, то в конечном итоге образуются уже три родственные между собой патронимии, составляющие в совокупности патронимию более высокого порядка. Эта патронимия, представленная группами более низшего порядка в трех деревнях, где ее члены живут рядом с семьями других (чужеродных) патронимий, постепенно может ассимилировать их, в результате чего возникает единое целое [там же, 168—170]. Самые крупные звенья афганской патронимической структуры являлись племенами; они представляли собой военно-территориальные объединения конгломератного типа, включавшие в себя многие, самые разнообразные по своему этническому происхождению патронимии разных порядков, которые были связаны общим генеалогическим преданием [там же, 172].

Охарактеризованная нами концепция показывает, как далеко может завести ученого понятие «патронимия». Мы не беремся здесь исследовать позднейший патриархальный род — это особая тема. Выше уже была приведена краткая его характеристика для кочевников. Однако представление о процессе развития общества в виде разложения рода до мельчайшей кровнородственной ячейки — патронимии, а затем разрастания этой отдельной ячейки снова в роды и племена кажется нам малоубедительным.

* * *

Советские исследователи, особенно полевые этнографы, в частности исследователи, изучающие многочисленные народы Средней Азии, Казахстана, а также Кавказа, столкнулись с реальными остатками былых родовых отношений в виде кровнородственных групп, носящих у различных народов разные наименования: каун, элат, тайфа, тохум, коше, гарындаш и др.; нередко это более сложные названия типа «одного отца дети», «от одного огня разошедшиеся» и т. п. Эти группы состояли из отдельных семей, имеющих друг с другом более или менее выраженные хозяйственные и идеологические связи. Сейчас большинство советских ученых пришло почти к единодушному мнению, что группы эти представляют собой не что иное, как продукт распада больших патриархальных общин, позднейшую модификацию этих общин в процессе перехода от большой семьи к малой [1, 152—156; сводку по этому вопросу см.: 13, 29—34].

Именно эти группы кровнородственных семей некоторые исследователи, имевшие с ними дело, иногда непосредственно, а иногда с известными оговорками склонны называть «патронимиями». Однако уже, например, С. М. Абрамзон отмечает, что хотя такая группа родственных семей напоминает патронимию М. О. Косвена, но последнее понятие не дает отчетливых границ круга родственников, объединенных этой группой, и носит несколько расплывчатый характер (группа больше семьи и меньше рода); он предлагает называть такие объединения «се-

мейно-родственными группами» — название, безусловно более соответствующее сущности этих объединений.

Подводя итог сказанному в настоящей статье о термине «патронимия», мы предпочитаем воздерживаться от его употребления, основанием чего являются две причины:

1. То, что понимается под «патронимией первого порядка», является, по существу, пережитком, сохранившимся реликтом родовой организации, для которого нет необходимости вводить в научный обиход новое понятие, новый термин.

2. Термин «патронимия» получил у многих авторов слишком всеобъемлющий, а вследствие этого расплывчатый характер, он трактуется различными авторами по-разному, что не помогает, а скорее мешает установлению правильной научной классификации позднейших этапов первобытнообщинного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С. М. Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, — сб. «Родовое общество, труды ИЭАН СССР», нов. сер., т. 14, М., 1951.
2. Авдал А. Патронимия у курдов Армении в XIX в., — «Советская этнография», 1959, № 6.
3. Васильева Г. П. Итоги работы туркменского отряда Хорезмской экспедиции, т. I, 1952.
4. Васильева Г. П. Туркмены-нохурли, — «Труды ИЭАН СССР», нов. сер., т. 21, 1952.
5. Витов М. В. Гнездовой тип расселения на русском Севере, — «Советская этнография», 1955, № 2.
6. Гафферберг Э. Г. Белуджи Туркменской ССР, Л., 1969.
7. Давыдов А. Д. Афганская деревня, М., 1969.
8. Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков, — «Труды ИЭАН СССР», нов. сер., т. 9, 1950.
9. Жданко Т. А. Работа каракалпакского этнографического отряда в 1956 г., — «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 1, М., 1959.
10. Задыхина К. Л. Узбеки дельты Амударьи, — «Труды Хорезмской экспедиции», вып. 1, 1952.
11. Инал-Ипа Ш. Абхазы, Сухуми, 1960.
12. Кисляков Н. А. Семья и брак у таджиков, — ТИЭ, т. 44, М.—Л., 1959.
13. Кисляков Н. А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, М., 1969.
14. Коджесау Э. Л. Патронимия у адыгов, — «Советская этнография», 1962, № 2.
15. Косвен М. О. Семейная община и патронимия, М., 1963.
16. Лавров Л. И. Лакцы, — «Народы Дагестана», М., 1955.
17. Овезов Д. М. Туркмены-мурчали, — «Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», т. IX, Ашхабад, 1959.
18. Першиц А. И. Фамилия — Лъэпкъ у кабардинцев в XIX в., — «Советская этнография», 1951, № 1.
19. Першиц А. И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX — первой трети XX в., — «Труды ИЭАН СССР», т. 69, 1961.
20. Рапов Ю. М. Была ли вервь «Русской правды» патронимией?, — «Советская этнография», 1969, № 3.
- 20а. Семенов Ю. И. О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, — «Советская этнография», 1968, № 4.
21. Симоненко И. Ф. Пережитки патронимии и брачные отношения у украинцев Закарпатской области, — «Советская этнография», 1947, № 1.
22. Харадзе Р. Л. Грузинская семейная община, Тбилиси, 1961.
23. Шаниязов К. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964.